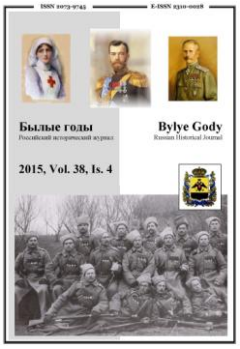
Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 38, Is. 4, pp. 1028-1038, 2015

http://bg.sutr.ru/



UDC 397.4

Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai

[1] Natalia P. Koptseva
[2] Ksenia V. Reznikova

[1] Siberian Federal University, Russian Federation
660041, Krasnoyarsk, pr. Svobodny, 79
Dr. (Philosophy), Professor
[2] Siberian Federal University, Russian Federation
660041, Krasnoyarsk, pr. Svobodny, 79
PhD (Philosophy), Associate Professor

Abstract

In 2010-2015, scientists, students, post-graduate students of Siberian Federal University carried out field research in the village and the settlements Farkovo and Turukhansk (Krasnoyarsk Krai). We investigated the ethnic and cultural characteristics of the Northern Selkups, Kets, Evenks. Field research scientists of the Siberian Federal University to reconstruct the elements of the historical memory of the Northern Selkup, who live in the settlement Farkovo. Due to the reconstruction of the historical memory of the Northern Selkups can clarify some of the causes of ethnic migration in the Northern Selkups of Krasnoyarsk Krai in the early twentieth century History memory of Northern Selkups stores the memory of the battle that took place between the various ethnic tribes in the early twentieth century. The historical event of the battle (as a cause of ethnic migration) between the Northern Selkups and other indigenous peoples of the North and Siberia has not yet been reflected in historical descriptions. Proof that the historical memory of the Northern Selkup keeps memory of significant events that have a sword that Selkups, inhabitants of settlement Farkovo of Turukhansk district, found in places where the legendary battle took place.

Historical memory can be of great importance for the reconstruction of ethnic history of the indigenous peoples of the Central Siberia.

Keywords: historical memory, Northern Selkups, ethnic history, the Krasnoyarsk Krai, the historic battle.

Введение

В коллективной монографии «Этническая история народов Севера» (отв. ред. И.С. Гурвич) [1] одна из глав посвящена этнической истории северных селькупов, живущих на территории современного Красноярского края в поселке Совречка и деревне Фарково Туруханского района. Историкам и этнологам важно объяснить причины этнической миграции, в результате которой обособилась этнокультурная группа северных селькупов. Известно, что сама этническая миграция проходила в конце XIX века, примерно к началу XX века северные селькупы консолидировались для проживания и ведения традиционных промыслов на севере Красноярского края, в Туруханском районе. В монографии «Этническая история народов Севера» в главе В.В. Лебедева и З.П. Соколовой «Селькупы» [1, с. 118-129] сделан вывод об этнической миграции северных селькупов: «К концу XIX века миграции проходили в основном в междуречье Таза и Енисея, что укрепляло этническую консолидацию северных селькупов, с одной стороны, и сближало их с северными кетами и эвенками, с другой» [1, с. 127]. Причины миграции северных селькупов не указаны, в качестве основного исторического источника авторы использовали архивные данные ревизионных книг, окладных книг, метрических записей, записей этнографа С.К. Патканова.

Архивные и этнографические исторические источники имеют наиважнейшее значение для реконструкции исторических событий и выяснении их причин. Однако наряду с объективными историческими источниками существуют другие виды, в том числе историческая (коллективная) память об этнической истории, а также личные впечатления и наблюдения исследователей (т.н. «включенные наблюдения»), к которым представители определенной этнокультурной группы испытывают доверие и рассказывают о том, что не было зафиксировано ни в архивных документах, ни в материальных свидетельствах.

Цель данного исследования – дополнить существующие описания этнической истории северных селькупов с помощью обращения к исторической памяти этого этноса.

Материалы и методы

В 2010–2015 гг. на территории Туруханского района Красноярского края учеными, аспирантами и студентами Сибирского федерального университета проводились полевые исследования в рамках реализации научных проектов «Красноярский край как поликультурное пространство, родина коренных малочисленных народов севера» и «Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций» [2; 3; 4]. Цель работы заключалась в сборе материалов по традиционной культуре коренных малочисленных народов, проживающих в поселке Туруханск и деревне Фарково, в частности – селькупов, кетов и эвенков. В задачи исследования входило изучение особенностей традиций, материальной и духовной культуры, исторической и культурной памяти, обрядности коренных этнокультурных групп. Применялись методы опроса, наблюдения, интервьюирования, фотофиксации вещественных материалов, архитектурных сооружений, фотографий из семейных архивов [5; 6].

Обсуждение

Морис Хвальбакс определяет понятие исторической памяти в сравнении с понятием коллективной памяти [7]. История, полагает он, начинается с того момента, когда заканчивается традиция и затухивает социальная память. Историческая память противоположна автобиографической памяти. Историческая память внешняя, социальная, тогда как автобиографическая память внутренняя, личная. Автобиографическая память использует историческую память, поскольку история жизни одного человека есть часть истории общества, но, замечает М. Хвальбакс, конечно же, историческая память значительно шире, чем автобиографическая память. Он полагает, что понятие «историческая память» не совсем удачно, поскольку желание зафиксировать какое-либо событие в качестве исторического возникает тогда, когда реальная память о нем фактически исчезла.

В.С. Полянский в статье «Историческая память в этническом самосознании народов» [8] подробно рассматривает это понятие и делает вывод о том, что историческая память отражает довольно сложные процессы этнического самосознания. Историческая память фиксирует исторический процесс не зеркально, а посредством персонального (уникального) восприятия. Как правило, историческая память отражает не весь исторический путь этноса, а какие-то конкретные этапы этого пути, связанные со своим родом, своим родным городом. С помощью исторической памяти человек конструирует и реконструирует свое историческое «Я».

Решая проблему исторической памяти как исторического источника Л.П. Репина фиксирует разворот исторической науки к истории идей, стереотипов и ценностей. Она полагает, что историческая и культурная память является основным историографическим источником, когда анализируется не само событие, а память о нем, его образ, который передавался от поколения к поколению. Историческая память определяется Л.П. Репиной в работах «Историческая память и современная историография» [9] и «Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки)» [10] как «один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем» [10, с. 10].

В.Э. Бойков также высоко оценивает потенциал исторической памяти как историографического источники. В работе «Состояние и проблемы исторической памяти» [11] он пишет, что «историческая память составляет одну из основ осознания человеком своего "Я" в семейной родословной и в истории своего народа, понимания нашего "Мы" в национальной и культурной общности страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации» [11, с. 85].

Видный российский социолог Ж.Т. Тощенко высказывает мнение, что историческая память значительно актуализируется в эпоху быстрых перемен. В статье «Историческая память и социология» [12] он утверждает, что «в условиях коренных общественных сдвигов имеет тенденцию к оживлению своей роли в духовном потенциале как отдельного человека, так и народа в целом» [12, с. 5].

А.В. Полетаев и И.М. Савельева в статье «Историческая память: к вопросу о границах понятия» [13] рассматривают историческую память в контексте эволюции образов прошлого, как важнейший элемент конструирования исторической реальности.

П. Агулайр и К. Хайт в статье «Историческая память и авторитарные наследие в процессах политических изменений: Испания и Чили в сравнительной перспективе» [14] отождествляют это понятие с «коллективной памятью», «социальной памятью». Они связывают историческую память с феноменом «политики памяти» и утверждает, что «историческая память» относится к способам, через которых группы, коллективы и этносы выстраивают и повествуют в особой форме об исторических периодах, эпохах, события. Авторы полагают, что историческая память выступает основой социально-политических идентичностей и часто изменяется в зависимости от конкретного историко-политического момента. Данное понимание исторической памяти является типичным для многих современных западных теоретиков истории и воспроизводится как в фундаментальных, так и в прикладных исторических исследованиях [15; 16; 17].

История селькупов, коренного малочисленного народа Средней Сибири, изучалась в различных аспектах. Научное этнографическое описание таймырских селькупов сделал Георгий Николаевич Прокофьев, который всесторонне изучил селькупский язык, создал грамматику селькупского языка и учебники для его изучения [18]. Хотя первую азбукук этого языка и самые первые этнографические очерки о селькупах принадлежат Н.П. Григоровскому, который проводил свои исследования не на Таймыре, а в Западной Сибири, в Васюганской тундре [19].

Таймырские селькупы, проживающие в Красноярском крае, имеют ряд культурных и социолингвистических особенностей, которые исследовала А.И. Кузнецова [20]. Обширные лингвистические исследования селькупского языка на Таймыре провел Е.А. Хелимский, который обнародовал архивные материалы, содержащие сведения о селькупах XVIII–XIX вв. [21]. Культуру селькупов через анализ лингвистических конструктов реконструировала В.В. Быконя [22]. О.В. Сахарова проводит лингвокультурологические исследования отдельных слов селькупского языка [23].

Гораздо меньше исторических исследований селькупов. Их мифология была реконструирована Н.А. Тучковой , А.И. Кузнецовой, О.А. Казакевич, А.А. Ким-Малони, С.В. Глушковым, А.В. Байдаком [24].

Г.И. Пелих и Е.М. Тощакова [25]делают описание истории селькупов в XVII веке. Этот же период исследуют С. Слепченко и С. Иванов [26] Довольно большое количество работ исследователей посвящено периоду второй трети XIX – началу XX вв. [27; 28; 29]. Значительное количество работ посвящено исследованию языков южных и северных селькупов [29; 30 и др.]. Анализ селькупского языка служит для современных лингвистов материалом для реконструкции традиционного этнического мировоззрения.

Процессы этнической динамики селькупов исследовали Ф. Собянски [31], Л.Т. Шаргородский [32], К.Г. Шаховцов [33], Е.С. Толкунов [34], В.П. Кривоногов [35], К.В. Резникова [36], Ю.И. Ожередов, А.Ю. Ожередова [37] и другие ученые. Заслуживают серьезного внимания выводы этих исследователей о том, что современные процессы этнической идентификаци селькупов в гораздо меньшей степени определяются участием в традиционной экономике, приверженностью традиционной религии или степенью владения селькупским языком, но в большей степени принадлежность к этнокультурной группе селькупов предопределяется этническим самосознанием, исторической памятью и юридическими процедурами, закрепляющими особые права коренных малочисленных народов в местах их компактного проживания. Более того, этническая самоидентификация селькупов перестает быть групповой и все чаще становится индивидуальной, результатом персонального (уникального) выбора конкретного человека.

Несмотря на то, что в настоящее время лингвокультурологические исследования селькупского языка активизированы (, научных работ, связанных с исторической памятью северных селькупов о своей этноистории недостаточно. Основные исторические источники, к которым обращались авторы истории селькупов до настоящего времени, – это этнографические описаниия и архивные материалы. Историческая память селькупов о своей истории теряется либо в автобиографических рассказах, которые фиксируют лингвисты для реконструкции различных версий селькупского языка, либо в мифологических нарративах, где преобладают сказочные, фантазийные элементы.

Результаты

Этнонимы, происхождение этносов, субэтнический состав

По словам одного из опрошенных эвенков, слово «эвенк» означает «железный человек», что, по его мнению, объясняется тем, что у эвенков, когда они пришли на территорию современного Красноярского края, уже было железо. Кеты о своем этнониме говорили, что он означает «друг» или «товарищ», что указывает на их дружественность, невоинственность. По словам селькупов, их этноним указывает на исконное место их обитания: селькуп – «лесной человек».

Отвечая на вопросы о происхождении народа и о том, какие этносы являются родственными, некоторые селькупы говорили, что они принадлежат к финно-угорцам. Единичные версии звучали о том, что селькупы, как и хакасы, имеют одного предка – это Чингисхан; что селькупы – прямые наследники первых людей из Африки; а также что селькупы – это потомки индейцев американских, которые перебрались в Сибирь через Аляску и расселились на местных территориях очень давно.

Один из представителей кетского этноса рассказал близкую версию, но про происхождение кетов: они пришли из Америки, где есть город Келлог. Женщина-кето рассказала легенду, согласно которой охотник промышлял медведя, когда человеку удалось убить медведя, то душа зверя перешла в него, так и появился человек-кето. Согласно рассказам одного из кетов, этот этнос делится на две ветви – южную и северную, об отличительных чертах сказано не было; женщина-кето рассказала, что есть два типа кето: спокойный и «буйный», после чего подбирала слово, потому что по ее мнению «буйный» - не подходящее, заменила его на «быстрый». Селькупы делятся на два рода: Орлиные люди и Тайменя люди, об этом рассказал со слов селькупа, хранящего традиции, представитель этого же этноса, очень интересующийся собственной этнической принадлежностью.

Традиционные виды деятельности

Традиционные виды деятельности коренных малочисленных народов Севера и Сибири, населяющих Туруханск и Фарково, в частности, селькупов, кетов и эвенков, – это охота и рыболовство и оленеводство. Если первые два довольно широко развиты и сейчас, то оленеводство в названных населенных пунктах полностью сошло на нет еще несколько десятилетий назад – в 1960–1970-х годах, - когда были истреблены последние олени. Кеты рассказывали, что, в основном, они промышляют пушных зверей, сдавая их шкурки в Туруханске, но перекупщики предлагают цены настолько низкие, что семьям охотников едва хватает на пропитание, они «не живут, но выживают». Помимо пушных зверей объектом охоты являются гуси, утки и прочая дичь.

Селькупы, проживающие в Фарково, рассказали значительно больше об охоте, нежели туруханцы, что связано с тем, что в Фарково фактически негде работать, поэтому многие занимаются охотой и рыболовством, по девять месяцев проводя в лесу, на озерах. По их же собственным словам, образ жизни их кардинально различается в зависимости от времени года и от рода занятий. Так, с осени по весну включительно охотники фактически не выходят из леса, живя там в зимовьях, разбивая палатки для ночевок во время длительных переходов. Находясь на промысле, охотники совершенно не пьют алкоголь, говорят, что у них уютные, чистые лесные жилища, в то время как жилье в поселке оставляет желать лучшего (вплоть до того, что в некоторых домах ходят, не разуваясь, в уличной обуви). Живя в лесу, охотники придерживаются довольно строгого графика, они встают около 6 утра и возвращаются с охоты лишь в 1-3 часа ночи, все это время они «гоняют соболей», по лесу за день по снегу приходится преодолевать километров по 25. Возвращаясь в начале лета в поселок из леса, охотники реализуют добытые шкурки (говорят, что обычно 20–70 штук).

В течение многих лет охота как традиционный вид занятий претерпевала изменения. Так, еще до огнестрельного оружия использовались для охоты копья и луки со стрелами. Советская власть фактически без счета выделяла охотникам патроны, по крайней мере, складывалось такое впечатление, потому как стоимость их вычиталась лишь потом из зарплаты, выплачиваемой охотникам совхозами и колхозами, в штате которых они и числились. С перестройкой начались серьезные проблемы, патроны и сейчас приходится расходовать очень экономно, так, была рассказана история о том, что промахнувшемуся дважды подряд охотнику его напарник сказал, что тот без обеда остался. И хотя это было лишь шуткой, смысл необходимости бережливого отношения к боеприпасам, в ней очевиден.

Про рыбалку, в отличие от охоты, рассказывали как селькупы, так и кеты. Оказалось, что если в Туруханске, например, профессионально ею не занимается практически никто из информантов, то на любительском уровне результат фактически противоположный: рыбачат все. КМНС рыбачат как с помощью плетеных, например, из тальника, морд, так и сетями. Некоторые кеты рассказывают, что в прежние времена, когда еще жили в чумах, пока взрослые находились на рыбалке, дети собирали тальник для костра, на котором и готовили улов. По традиции, в первую очередь кормили мужчин, которые съедали головы от рыб, потом уже ели женщины и дети. Орудия, используемые как охотниками, так и рыболовами, прежде изготавливались ими же самими. В настоящее время большинство представителей КМНС, имеющих отношение к рыбалке, продолжают сами делать сети из специального покупного сетчатого полотнища, но ветки – традиционное средство передвижения рыбаков – делать умеет уже очень мало кто. У эвенков продолжает сохраняться самостоятельное изготовление охотничьих лыж, нарт.

Таким образом, обнаруживается, что, во-первых, оленеводство полностью истреблено еще в 1960-х годах и не возрождено, как например, в Эвенкии; во-вторых, к традиционным видам деятельности больше тяготеет население пос. Фарково, что можно связать с фактом того, что поселок является довольно закрытым в силу своей транспортной труднодоступности, в нем сфера труда представлена лишь работой в энергетической отрасли, в школьном и дошкольном образовании, в администрации поселка, в почтовом отделении и в торговле. Поскольку в перечисленных отраслях задействовано незначительное число местных жителей, большая часть населения продолжает заниматься традиционными видами деятельности, обеспечивающими не только денежное довольствие, но также и пропитание. Следует отметить, что традиционные виды деятельности претерпели некоторые изменения, что наиболее хорошо заметно в использовании нетрадиционных орудий труда. Так, рыбаки широко применяют сети из искусственных материалов, охотники давно

всецело перешли на огнестрельное оружие, а с течением времени и на использование туристических палаток и спальных мешков, заменивших традиционные чумы и меховые одежды.

Обычаи, обряды

Обычаи и обряды коренных малочисленных народов Севера в первую очередь связаны с традиционными видами промысла, то есть с охотой и рыбалкой. Для начала можно рассмотреть те, которые касаются нарочного изменения погоды, а следовательно, к которым прибегали как охотники, так и рыболовы. И кеты, и селькупы рассказывали, что для того, чтобы установилась морозная погода, необходимо в костер бросить соли. Для этих же целей можно из снега слепить зайца и выпороть его прутиком.

Среди обрядов, обычаев и примет, связанных с охотой, наиболее часто рассказывается о жертвоприношениях для счастливой охоты и о тех, что касаются охоты на медведя. О медведях от представителей эвенкийского этноса можно было услышать, что если охотник убил медведя, то его мясо нужно похоронить, чтобы медведь не лез к людям, не тревожил. Считается, что если медведь убил хотя бы двух людей, бояться человека он больше не будет. Убив человека, медведь закапывает его и ждет, пока мясо разложится.

Перед охотой, приходя в лес, кеты задабривали духов: бросали в костер еду, плескали водку. Те, кто имел в лесу домик, обязательно оставляли его открытым, приготавливая перед уходом дрова и еду, чтоб случайные охотники могли погреться, отдохнуть и подкрепиться. Мнения кетов относительно охоты на медведей разнятся: одна представительница этого этноса сказала, что медведей вообще нельзя убивать, потому как они – хозяева тайги; другие говорят, что мясо медведя нельзя продавать. Считается, что в медведях живут души умерших людей. Есть даже способ, как определить, мужская или женская душа обитала в убитом медведе: надо лапу медведя бросить за спину через левое плечо. Если она упадет ладошкой вниз – мужская душа, если ладошкой вверх – женская. Кеты говорят, что медведь без шкуры похож на человека. Так, у одного человека умерла внучка, он на охоте убил медведя, снял шкуру, а тот горбат, как и его внучка, это значит, что душа его внучки обитала в этом медведе. Кеты считают, что нельзя у природы забирать больше, чем нужно для собственного проживания, поэтому если они обнаруживали зайцев на льдине, то отпускали, чтоб у тех потомство было.

Про задабривание духов леса, духов огня говорили и селькупы, для этого, например, можно спички, сигареты, еду прятать в дупла, под деревья, в воду. Относительно охоты на медведя существует поверие, что если ты убил 39 медведей, то сороковому тебе лучше не попадаться – он тебя задерет; лапы убитых медведей (кисти лап) нельзя отдавать кому бы то ни было, надо хранить у себя.

Специфические обычаи и обряды рыболовы начинали исполнять с приходом весны, когда вскрывалась река, тогда надо было бросить в воду хлеб с солью в качестве приветствия кормилицы. По обычаю рыболовов, если в чум приехал гость, с которым отправились на рыбалку, то ту рыбу, пойманную гостем, ему же и отдавали в качестве подарка, а из пойманной самими готовили на всех еду. Еду готовили на костре, который чаще всего разводили из тальника. На огонь ставили воду, бросали в котелок самую мелкую рыбку, подстреленную птицу, и варили. Получившийся отвар выливали в водоем, чтобы поблагодарить воду за то, что дала рыбу, воздух – за птицу, огонь – за костер и землю – за право жить на ней. Только после этого варили суп для себя.

В быту, не связанном с традиционными промыслами, также сохранились обычаи, например, селькупы до сих пор кладут нож или топор под порог, если недавно, например, в прошлом году, было много мертвых. Это делается для того, чтобы духи умерших не заходили, чтоб домашний очаг не нарушали.

Подводя итог рассмотрению сохранности обычаев и обрядов в повседневной жизни коренных народов – жителей Туруханска и села Фарково,- можно отметить, что этот пласт традиционной культуры сохранился весьма хорошо: все взрослое население, относящееся к коренным малочисленным народам, может рассказать о некоторых обычаях, которые даже могут уже и не использоваться ими самими в силу, например, того, что это охотничьи традиции, которые поддерживаются исключительно теми, кто занят в промысловых работах, более того, ряд обычаев сохранился в повседневной жизни людей, не занятых в традиционных видах деятельности. При этом следует подчеркнуть, что пласт традиционной культуры, включающий в себя обычаи и обряды, менее всего оказался подвержен модификациям.

Миграционные процессы и битва начала XX в.

Если сейчас миграционные процессы наблюдаются между Фарково и Туруханском, между Фарково, Туруханском и Красноярском, то одним из важнейших миграционных этапов, повлиявшим на жизнь коренных малочисленных народов Севера Красноярского края, ими самими признается датируемое началом XX века переселение селькупов на север. Причем, переселение носило отнюдь не мирный характер. Так, почти все опрошенные представители КМНС говорят о том, что больше века назад произошла серьезная битва между народами. Но если в датировке и географическом месторасположении битвы все сходятся в своих рассказах, то в вопросах действующих лиц, победителей и побежденных мнения не совпадают. Большая часть опрошенных на данную тему

селькупов сказала, что причиной войны послужило то, что селькупов, живших значительно южнее, начали вытеснять русские. Селькупы тогда двинулись на север, добравшись до Туруханского района, развернули битву, по словам большей части опрошенных селькупов, с эвенками. То есть местная локальная война носила территориальный характер. Кстати, в этом сходятся не только опрошенные селькупы, но и кеты. По версии всех селькупов, обозначивших в качестве воевавших сторон селькупов и эвенков, победа оказалась за селькупами, эвенки были вытеснены со своих территорий. Одна из женщин-селькупок даже рассказала, что та война, несмотря на то, что примерно датируется 1901–1902 гг., аукается до сих пор: так, некоторые родители, по ее мнению, выступают против того, чтобы брак заключался между представителями селькупов и эвенков.

Но среди опрошенных были и другие версии разворачивания тех событий. Так, одна из селькупских семей утверждала, что селькупы воевали вовсе не с эвенками, а с кетами, при этом было заявлено: «Мы победили, мы их до Келлога угнали». В семье кетов, опрошенных на предмет имевшей место быть войны, сказали, что битва произошла между кетами и эвенками, а селькупы помогали в ней кетам. Эвенков удалось вытеснить на север, об этом говорилось так: «Мы эвенков прогнали! Мы селькупов не трогали, селькупы нам помогали». По словам представителей этой семьи, по поводу битвы были сложены сказания, но воспроизвести их не смогли, сказали, что не помнят.

Кеты, Туруханск

Интервьюер (И): Говорят, была в начале XX века битва между народами.

Респондент (Р): Была война между кетами и эвенками, селькупов мы не трогали. Селькупы нам помогали, кетам. Там, где деревня стоит Пакулиха. Там три дороги. Тут живут кеты, селькупы, здесь – эвенки. Мы эвенков всех выгнали, они теперь на севере живут. Была война между кетами и эвенками.

И.: Война была с огнестрельным оружием?

Р.: Всяко было. И потом они на север все ушли.

И.: Из-за территорий война?

Р.: Конечно.

И.: Народные предания по этому поводу складывались потом?

Р.: А как нет?! Было всякое. Кто как мог, так и говорил потом. У нас всегда борьба идет с эвенками и даже с селькупами, не знаю, как кто, но я точно.

Селькупы, Туруханск

Р.: Есть место битвы, где селькупы воевали с кетами. Большая война была у них когда-то в 1901–1902 году, где-то так. За территорию. Даже поэма где-то селькупская есть. В той стороне кетов и нету. Мы победили. Мы их до Келлога угнали. <…>

Много селькупских поселений, в Тюмени – красноселькупы, в Томске тоже есть ассоциация селькупов. А здесь, на севере – только в Фарково, получается. То ли мы оторвались и убежали далеко от них, то ли они. Мы как-то компактно залезли здесь среди кето и эвенков. Эвенки сами сюда пришли с другой стороны, с Эвенкии. <…>

В Фарково, кстати, есть место, где битва была, забыл, как она называется. Но факт тот, что наши фарковские там не лазиют и ничего не берут оттуда. Хотя там наконечники стрел есть и все прочее.

И.: Недалеко от Фарково?

Р.: Не совсем недалеко. Там люди недалеко сидят, но все равно огни туда…

И.: Битва кето и селькупов?

Р.: Да. Так что у них есть еще что-то такое.

Селькупы, Фарково

Р.: Я, кстати, меч нашел даже (рис.1). Я вам могу легенду рассказать. Я его смазал (рис. 2). Старый нашел. Случайно. Я нашел там, где по легенде, по учебнику нашел это место. У нас раньше ездили в 903-м году этнографы ездили, исследователи. Они запечатлели такую легенду, что селькупы, когда сюда пришли, они же из Сургута, то есть с Оби сюда пришли и стали распространяться. А здесь эвенки жили, у них произошла драка, то есть бой произошел. И бой произошел на месте Верхняя Баиха. Там есть излучина реки, остров. И вот на этом острове, по легенде, там произошел этот бой. Я взял просто и охотиться поехали, взял заехал. И что-то ходил, пока дрова рубил, смотрю, что-то торчит, запнулся о что-то и ногу еще рассек. Откопал – меч. А спрашиваю у этих, кто там живет, в Верхней Баихе, спрашиваю, говорят, мы ни разу там не были и не знаем, что такое. Ну, я вот нашел. Даже фотографии есть.

Рис. 1. Меч. Деревня Фарково Туруханского района

Рис. 2. Рукоятка меча. Деревня Фарково Туруханского района

У меня друг есть, он в Туруханске живет, а учился в Красноярске. И вот он мне привез ноутбук полностью по коренным малочисленным Севера. С интернета он списал. Там все это оружие, все есть. Все эти украшения. Все одежды. Это все у него есть. Откуда мог что узнать – это все есть там. У него хочу переписать на свой ноутбук. Этот меч я там видел. Там фотографии этих самых селькупов. Если я сейчас поступлю учиться, увезу его в Красноярск и спрошу, как они оценят его. А может, у них уже есть такой? А никто и не изучал. Я и хочу, если поступлю, дипломную работу буду делать по быту, по северу, по селькупам. Все это оружие, как они живут.

Есть по Енисею такая деревня – Сургутиха. Она есть, когда по Енисею плывешь, вы ее проплываете. А селькупы все пошли, но это я читаю, что в книге было написано, я сам не ездил, не спрашивал, не изучал, а по книге идет, что все селькупы пошли из города Сургута, это нижнее течение реки Оби, вот оттуда они пришли. А почему они пришли сюда? А потому что когда стал осваиваться север, Восточная Сибирь, когда сюда поехали, когда русские поехали разрабатывать месторождения. Русские когда стали приходить. А селькупы – такой затворнический народ. У них землю отобрали, начали там золото разрабатывать, их притесняли-притесняли, и они пошли сюда искать отдаленные уголки, где есть рыба, где есть пушнина, где это самое. Где, например, цивилизация появляется, пушнины и рыбы становится мало. Всё, селькупы оттуда уходят. Так они сюда дальше к нам и пришли. Это по книге.

А по тому, как они сами рассказывают, у нас есть националы. Они говорят, что фамилия Тамелькин, тома, от слова юг, что родился на юге. То есть они раньше жили все на юге. А почему их на север сюда привело, я думаю то, что русские когда не оккупировали, а как сказать-то? Стали приходить, разрабатывать месторождения стали, их маленько сюда сдвинули. Вот почему драка и была. Здесь жили оленеводческие бригады, олений был север, эвенки здесь жили, это коренное ихнее было место. Селькупы сюда пришли, драка была, меч нашел вот, там бой был.

Я надеялся еще найти луки, ой, не луки, а стрелы. Наконечники. Но у меня нету этого. Хочу, если в Красноярск поеду учиться, хочу купить себе металлоискатель. Может, еще и не один найду меч такой. Только я в секрете держу, чтобы никто вперед не успел. Я хочу еще там порыться.

Просто смазал его, чтобы он не ржавел. Весь ржавый был. Его так очистил и покрыл маслом сверху, чтобы он не ржавел дальше.

Заключение

Жители деревни Фарково Туруханского района, поселка Туруханска, принадлежащие к этнокультурным группам селькупов и кетов Красноярского края в большинстве своем сохранили яркую историческую память о «битве», сражении, в результате которого установилось настоящее расселение этнических групп коренных малочисленных народов на территории Туруханского района и в целом Красноярского края. Никаких других источников об этом сражении, кроме исторической памяти этнокультурных групп коренных народов, нет: ни архивных материалов, ни этнографических свидетельств, ни фотодокументов. Но вряд ли возможно усомниться в том, что данное историческое событие обладает огромной важностью для этносознания коренных народов, если историческая память сохранила его спустя более 100 лет и вне поддержки какими-либо иными историческими, художественными или литературными источниками.

Благодарность

Статья подготовлена при финансировании Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

Примечания:

1. Этническая история народов Сибири / З.П. Соколова, В.В. Васильев, Ю.С. Симченко, В.В. Лебедев и др. М.: Наука, 1982. 270 с.
2. Il'beykina M.I. Global and local trends in development of the Siberian city Krasnoyarsk / M. Il'beykina, M.A. Kolesnik, N.M. Libakova, E.A. Sertakova, A.A. Sitnikova // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. V.6. № 3. Pp.241-248.
3. Koptseva N. P. The Impact of Global Transformations on the Processes of Regional and Ethnic Identity of Indigenous Peoples Siberian Arctic / N.P. Koptseva, V.I. Kirko // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. V. 6. № 3 S5. Pp. 217-223.
4. Zamarayeva Y.S. Taymyr reindeer herding as a branch of the economy and a fundamental social identification practice for indigenous peoples of the Siberian Arctic / Y.S. Zamarayeva, A.V. Kistova, K.V. Reznikova, N.N. Pimenova, N.N. Seredkina // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. V.6 (3). Pp. 225-232.
5. Koptseva N.P. The Results of Theoretical and Experimental Research of the Modern Problems of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East in Siberian Federal University / N.P. Koptseva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. V. 5. № 6. Pp. 762-772.
6. Libakova N.M. The Method of Expert Interview as an Effective Research Procedure of Studying the Indigenous Peoples of the North / N.M. Libakova, E.A. Sertakova / Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. V. 1. № 8. Pp. 114-129.
7. Морис Х. Коллективная и историческая память / Х. Морис //Неприкосновенный запас. 2005. Т. 2. № 2-3. С. 40-41.
8. Полянский В.С. Историческая память в этническом самосознании народов / В.С. Поянский //Социологические исследования. 1999. №. 3. С. 11-20.
9. Репина Л.П. Историческая память и современная историография / Л.П. Репина //Новая и новейшая история. 2004. Т. 5. С. 39-51.
10. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л.П. Репина / Препринт WP6/2003/7. Серия WP6. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
11. Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти / В.Э. Бойков //Социологические исследования. 2002. №. 8. С. 85-89.
12. Тощенко Ж. Т. Историческая память и социология / Ж.Т.Тощенко //Социологические исследования. 1998. №. 5. С. 3-6.
13. Савельева И.М. Историческая память: к вопросу о границах понятия / И.М. Савельева, А.В. Полетаев //Феномен прошлого. 2005. С. 170-220.

14. Aguilar P. Historical memory and authoritarian legacies in processes of political change: Spain and Chile in comparative perspective / P. Aguilar, K. Hite K. //Authoritarian legacies and good democracies. University of Notre Dame Press, Indiana. 2004. Pp. 191-231.

15. Sahdra B. Group identification and historical memory / B. Sahdra, M. Ross // Personality and Social Psychology Bulletin. 2007. V. 33. № 3. Pp. 384-395.

16. Mingke W. Historical Facts, Historical Memory and Historical Mentality / W. Mingke // Historical Research. 2001. V. 5. Pp. 11-15.

17. Crane S.A. Writing the individual back into collective memory / S.A. Crane //The American Historical Review. 1997. Pp. 1372-1385.

18. Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. 1. / Г.Н. Прокофьев. Л., 1935.

19. Григоровский Н.П. Азбука сюссогой гулани. / Н.П. Григоровский. Казань, 1879.

20. Кузнецова А.И. Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения) / А.И. Кузнецова. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2007. 114 с.

21. Helimski E. The Language of the First Selkup Books / E. Helimski Szeged, 1983. 268 p.

22. Быконя В.В. Селькупы: язык и культура. Этнолингвистический очерк. / В.В. Быконя. Томск: Издательство Томского гос. педагогического университета, 2011. 235 с.

23. Сахарова О.В. Наименование березы в селькупском языке / О.В. Сахарова // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 49-51.

24. Тучкова Н.А. Мифология селькупов / Науч. ред. В.В. Напольских / Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, А.А. Ким-Малонии др. Томск: изд-во Томского университета, 2004. 382 с.

25. Пелих Г.И. Селькупы XVII века: очерки социально-экономической истории /Г.И. Пелих, Е.М. Тощакова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1981. 177 с.

26. Slepchenko S. M., Ivanov S. N. Paleoparasitological analysis of soil samples from the Kikki-Akki burial ground of the 17th–19th centuries in West Siberia, Russia / S.M. Slepchenko, S.N. Ivanov //Journal of Archaeological Science: Reports. 2015. V. 2. Pp. 467-472.

27. Лебедев В.В., Соколова З.П. Селькупы / В.В. Лебедев, З.П. Соколова // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С.118-129.

28. Сохранение, возрождение и развитие культурного многообразия и духовного потенциала народов Сибири и Дальнего Востока / Н.В. Лукина, П.Е. Бардина, В.М. Кулемзин и др. / Народы России: возрождение и развитие. Материалы научной сессии Томского государственного университета 5-10 ноября 1993 г. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. С. 121-124.

29. Степанова О.Б. Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью / О.Б. Степанова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №. 2 (25). С.124-131.

30. Казакевич О. А. Этнические и языковые общности поселка Советская Речка Туруханского района / О.А. Казакевич, О.Б. Степанова / Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью //Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. 2000. С. 304-308.

31. Sobanski F. The southern Selkups of Tomsk province before and after 1991 / F. Sobanski //Nationalities Papers. 2001. V. 29. №. 1. Pp. 171-179.

32. Шаргородский Л. Т. Современные этнические процессы у селькупов / Л.Т. Шаргородский. М.: ИЭА РАН. 1994. 181 с.

33. Шаховцов К.Г. Термины официальной идентификации южных селькупов (по материалам XX века) / К.Г. Шаховцов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. №19. С. 55—59.

34. Толкунов Е.С. Этнические процессы и современное социальное положение оседлых северных селькупов / Е.С. Толкунов //Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2011. №. 12. С. 285-293.

35. Кривоногов В.П. Народы Таймыра: современные этнические процессы / В.П. Кривоногов. Красноярск: Красноярский гос. педагог. университет, 2001. 264 с.

36. Reznikova K.V. Preservation and Transformation of Certain Aspects of the Traditional Way of Life of the Indigenous and Small-Numbered Peoples of the North, Living in the Settlements (Posyolki) of Turukhansk and Farkovo / K.V. Reznikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. V. 6. № 6. Pp. 925-939.

References:

1. Ethnic history of the peoples of Siberia / Z.P. Sokolova, V.V. Vasiliev, Y. Simchenko, V.V. Lebedev et al. M .: Nauka, 1982. 270 p. (in Russian).

2. Il'beykina M.I. Global and local trends in development of the Siberian city Krasnoyarsk / M. Il'beykina, M.A. Kolesnik, N.M. Libakova, E.A. Sertakova, A.A. Sitnikova // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. V.6. № 3. Pp.241-248.

3. Koptseva N. P. The Impact of Global Transformations on the Processes of Regional and Ethnic Identity of Indigenous Peoples Siberian Arctic / N.P. Koptseva, V.I. Kirko // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. V. 6. № 3 S5. Pp. 217-223.

4. Zamarayeva Y.S. Taymyr reindeer herding as a branch of the economy and a fundamental social identification practice for indigenous peoples of the Siberian Arctic / Y.S. Zamarayeva, A.V. Kistova, K.V. Reznikova, N.N. Pimenova, N.N. Seredkina // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. V.6 (3) Pp.225-232.

5. Koptseva N.P. The Results of Theoretical and Experimental Research of the Modern Problems of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East in Siberian Federal University / N.P. Koptseva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. V. 5. № 6. Pp. 762-772.

6. Libakova N.M. The Method of Expert Interview as an Effective Research Procedure of Studying the Indigenous Peoples of the North / N.M. Libakova, E.A. Sertakova / Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. V. 1. № 8. Pp. 114-129.

7. Maurice H. Collective and historical memory / H. Morris // Neprikosnovenny Zapas. 2005. V. 2. №. 2-3. Pp. 40-41 (in Russian).

8. Polanski V.S. Historical Memory in the ethnic identity of the people / V.S. Poyansky // Sociological researches. 1999. №. 3. Pp. 11-20 (in Russian).

9. Repina L.P. Historical Memory and modern historiography / L.P. Repina // Modern and Contemporary History. 2004. V.5. Pp. 39-51 (in Russian).

10. Repina LP Cultural memory and the problem of historical (historiographical notes) / L.P. Repina / Preprint WP6 / 2003/7. Series WP6. M .: Higher School of Economics, 2003. 44 p.

11. Boykov V.E. Condition and problems of formation of historical memory / V.E. Boykov // Sociological researches. 2002. № 8. Pp. 85-89 (in Russian).

12. Toschenko Z. Historical Memory and Sociology / Z. Toschenko // Sociological researches. 1998. №. 5. Pp. 3-6 (in Russian).

13. Savelyeva I.M. Historical Memory: the question of the boundaries of the concept / I.M. Savelyeva, A.V. Poletaev // The phenomenon of the past. 2005. Pp 170-220 (in Russian).

14. Aguilar P. Historical memory and authoritarian legacies in processes of political change: Spain and Chile in comparative perspective / P. Aguilar, K. Hite K. //Authoritarian legacies and good democracies. University of Notre Dame Press, Indiana. 2004. Pp. 191-231.

15. Sahdra B.Group identification and historical memory / B. Sahdra, M. Ross //Personality and Social Psychology Bulletin. 2007. V. 33. № 3. Pp. 384-395.

16. Mingke W. Historical Facts, Historical Memory and Historical Mentality / W. Mingke // Historical Research. 2001. V. 5. Pp. 11-15.

17. Crane S. A. Writing the individual back into collective memory / S.A. Crane //The American Historical Review. 1997. Pp. 1372-1385.

18. Prokofiev G.N. Selkup (Ostyak-Samoyed) language. Part 1 / G.N. Prokofiev. Leningrad, 1935 (in Russian).

19. Grigorovskiy N.P. Alphabet syussogoy Gulangyu. / N.P. Grigorovskiy. Kazan, 1879 (in Russian).

20. Kuznetsova A.I. Selkups Turukhansk district of Krasnoyarsk region at the turn of the millennia II and III (sociolinguistic situation and language change) / AI Kuznetsova. Voronezh: Publishing house of Voronezh State. University Press, 2007. 114 p. (in Russian).

21. Helimski E. The Language of the First Selkup Books / E. Helimski Szeged, 1983. 268 p.

22. Bykonya V.V. Selkups: language and culture. Ethnolinguistic essay. / V.V. Bykonya. Tomsk: Tomsk State. Pedagogical University, 2011. 235 p. (in Russian).

23. Sakharov O.V. Name of birch Selkup / O.V. Sakharov // Bulletin of Tomsk State University. 2009. № 324. Pp 49-51 (in Russian).

24. Tuchkova N.A. Mythology Selkups / Ed. V.V. Napolskikh / N.A. Tuchkova, A.I. Kuznetsova, O.A. Kazakevitch, A.A. Kim-Maloney et al. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 2004. 382 p. (in Russian).

25. Pelikh G.I. Selkups XVII century: Essays on the socio-economic history /G.I. Pelikh, E.M. Toschakova. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1981. 177 p. (in Russian).

26. Slepchenko S. M., Ivanov S. N. Paleoparasitological analysis of soil samples from the Kikki-Akki burial ground of the 17th–19th centuries in West Siberia, Russia / S.M. Slepchenko, S.N. Ivanov //Journal of Archaeological Science: Reports. 2015. V. 2. Pp. 467-472.

27. Lebedev V.V., Sokolova Z.P. Selkups / V.V. Lebedev, Z.P. Sokolova // Ethnic history of the North. M .: Nauka, 1982. Pp.118-129 (in Russian).

28. Preservation, revitalization and promotion of cultural diversity and spiritual potential of the peoples of Siberia and the Far East / N.V. Lukin, P.E. Bardeen, V.M. Kulemzin et al. / The peoples of Russia: revival and development. Materials nauch¬noy session of Tomsk State University 5-10 November, 1993. Tomsk: Publishing house of Tomsk University Press, 1994. Pp 121-124 (in Russian).

29. Stepanova O.B. Northern Selkups: the system of traditional attitudes in the mirror one interview / O.B. Stepanova // Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography. 2014. №. 2 (25). Pp.124-131 (in Russian).

30. Kazakevitch O.A .Ethnic and linguistic village Soviet River Turukhansk district / O.A. Kazakevitch, O.B. Stepanova / Northern Selkups: the system of traditional attitudes in the mirror one interview // Languages of the Russian Federation and the new countries: status and functions. 2000. Pp. 304-308 (in Russian).

31. Sobanski F. The southern Selkups of Tomsk province before and after 1991 / F. Sobanski //Nationalities Papers. 2001. V. 29. №. 1. Pp. 171-179.

32. Shargorodskii L.T. Modern ethnic processes have Selkups / L.T. Shargorodskii. M.: IEA RAS. 1994. 181 p. (in Russian).

33. Shahovtsov K.G. The terms of official identification of the Southern Selkup (based on the XX century) / K.G. Shahovtsov // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2007. №19. Pp. 55-59 (in Russian).

34. Tolkunov ES Ethnic processes and modern social situation settled Northern Selkups / E.S. Tolkunov // Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2011. №. 12. P. 285-293 (in Russian).

35. Krivonogov V.P. peoples of Taimyr: modern ethnic processes / V.P. Krivonogov. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 2001. 264 p. (in Russian).

36. Reznikova K.V. Preservation and Transformation of Certain Aspects of the Traditional Way of Life of the Indigenous and Small-Numbered Peoples of the North, Living in the Settlements (Posyolki) of Turukhansk and Farkovo / K.V. Reznikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. V. 6. № 6. Pp. 925-939.

УДК 397.4

Уточнение причин этнической миграции северных селькупов на основе исторической памяти коренных этнических групп Туруханского района Красноярского края

[1] Наталья Петровна Копцева
[2] Ксения Вячеславовна Резникова

[1] Сибирский федеральный университет, Российская Федерация
660041, Красноярск, проспект Свободный, 79
доктор философских наук, профессор
[2] Сибирский федеральный университет, Российская Федерация
660041, г. Красноярск, проспект Свободный, 79
кандидат философских наук, доцент

Аннотация. В 2010–2015 гг. ученые, студенты, аспиранты Сибирского федерального университета проводили полевые исследования в деревне Фарково и поселке Туруханск (Красноярский край). Мы исследовали этнические и культурные особенности северных селькупов, кетов, эвенков. Полевые исследования ученых Сибирского федерального университета позволили реконструировать элементы исторической памяти северных селькупов, проживающих в поселке Фарково. Реконструкция исторической памяти северных селькупов может прояснить некоторые причины этнической миграции северных селькупов в Красноярский край в начале XX в. Историческая память северных селькупов хранит воспоминание о битве, которая произошла между различными этническими кланами в начале XX века. Историческое событие битвы (в качестве причины этнической миграции) между северными селькупами и другими коренными народами Севера и Сибири еще не было отражено в исторических описаниях. Доказательством того, что историческая память северных селькупов хранит память о реальных событиях, является меч, который селькупы, жители поселка Фарково Туруханского района, нашли в местах, где состоялась легендарная битва.

Историческая память может иметь большое значение для реконструкции этнической истории коренных народов Средней Сибири.

Ключевые слова: историческая память, северных селькупов, этническая история, Красноярский край, исторический бой.